

ИСКРА В ПУСТОТЕ

Сказание о Роде Ладимировых. Книга вторая

Семистрел

Николай Чухломин

Искра в темноте

«Автор»

2026

Чухломин Н.

Искра в темноте / Н. Чухломин — «Автор», 2026 — (Семистрел)

Молчан вернулся в Род, но не вернул себя. Веками Пустота стирала его память, и теперь, чтобы исцелиться, он должен вспомнить всё: кем был до падения, кого любил и кто ждёт его подо льдом лесного озера. Тем временем Некрас слышит голос из Сундука Древа. Отец, пропавший в восточных степях, оставил ему кольцо — ключ к Безликой, древней Пустоте, что пожирает память о мёртвых. Она уже здесь. Она зовёт. И она голодна. Чтобы спасти Азамата и освободить Милаву, Роду Ладимировых придётся покинуть родные леса. Их ждёт путь через степь, где трава выше человеческого роста, где духи говорят на чужом языке, а тени предков встают из земли. Нож правды, выкованный Твердом, укажет дорогу. Но хватит ли у Рода сил, чтобы зажечь искру там, где, казалось, осталась только пустота?

© Чухломин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Голос из пепла	5
Глава 1. Тропа под снегом	8
Глава 2. Та, что подо льдом	11
Глава 3. Первый ключ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Николай Чухломин

Искра в темноте

Пролог. Голос из пепла

В котором Молчан впервые за сотни лет остаётся наедине с собой, а тишина оказывается громче любого шёпота

Он не спал.

Сон — это для живых. Для тех, чья кровь течёт по жилам, чьё сердце стучит в груди, чьи лёгкие вдыхают воздух и выдыхают тепло. Молчан не был живым. Он не был и мёртвым. Он был **между** — застывший в серой мгле, как муха в янтаре.

Но в эту ночь что-то изменилось.

Впервые за сотни лет он лежал не в норе под корнями, не в холодной земле, а на **лавке**. Настоящей, деревянной, пахнувшей смолой и старым теплом. Под ним — овчина. Над ним — потолок из тёсаных брёвен. В углу — лампадка, и огонёк её не гаснет, а ровно, спокойно мерцает.

Ему дали место в избе. Не в клети, не в бане, не где-то на отшибе — в самой избе, у печи, где спят младшие. Забава уступила свой угол, сама перебралась на полати к Искре. И теперь Молчан лежал, глядя в потолок, и не мог понять, что с ним происходит.

Тишина.

Раньше тишина была его домом. В норе под корнями не было звуков — только шорох червей да капанье подземных вод. Но то была **пустая тишина**. Мёртвая. А эта — другая. В ней слышно, как дышит Забава на полатах. Как ворочается во сне Тверд в пристройке. Как потрескивает лучина. Как сверчок в печи затягивает свою бесконечную песню.

Эта тишина была **живой**. И она пугала его больше, чем любая тьма.

Молчан закрыл глаза. Не для того, чтобы уснуть — он не умел. Чтобы **вспомнить**.

Воспоминания пришли не сразу. Они были как старые, выцветшие берестяные грамоты, которые страшно разворачивать — рассыплются в руках. Но он заставил себя.

*...Он стоит на берегу Калинова ручья. Ему пятнадцать. Ночь. Луна скрыта тучами. Вода черна, как дёготь. Он смотрит в неё и видит не своё отражение, а **пустоту**. Она смотрит на него из глубины и шепчет: «Ты один. Ты всегда был один. Я — единственная, кто тебя понимает. Приди ко мне. Стань мной».*

*И он идёт. Шаг. Ещё шаг. Ледяная вода обжигает щиколотки, колени, грудь. Он не чувствует холода — только странное, пьянящее освобождение. Пустота обнимает его, входит в него, заполняет все трещины его души. И он перестает быть Молчаном. Он становится **Тусклым**.*

Молчан открыл глаза. Сердце — если оно у него было — колотилось где-то в горле. Он помнил этот момент. Помнил, как сладко было перестать быть собой. Как больно было потом, когда он понял, что натворил.

Он сел на лавке, спустил ноги на пол. Пол был тёплым — печь топили с вечера, и тепло ещё не ушло. Молчан пошевелил пальцами, ощущая шершавое дерево. Удивительно. Раньше он ничего не чувствовал. Только холод. Только пустоту.

Теперь — чувствовал.

В углу, у печи, что-то светилось. Молчан повернул голову. Там, на маленькой скамеечке, стоял **венец Яромилы**. Жемчуг мерцал мягким, лунным светом. Молчан смотрел на него и чувствовал, как внутри что-то сжимается.

Яромила. Его мать. Он почти не помнил её лица — только руки. Тёплые, пахнущие травами и тестом. Она единственная, кто не боялась его. Кто пыталась понять. Кто плакала по ночам, думая, что он не слышит.

— Прости, — прошептал Молчан одними губами. — Прости, мама. Я не смог.

Венец вспыхнул чуть ярче, будто отвечая. Или это только показалось.

В печи стрекотнул сверчок. Громко, отчётливо, словно звал кого-то. Молчан вздрогнул. Он знал этого сверчка. Вернее, знал, **кто** за ним стоит.

Дед Ведагор. Хранитель Рода до Бабушки Мирославы. Это он начал всё — оставил берегу в золе, разбудил Семистрел, позвал внуков. Это его голос слышали Яромир и Забава в своих снах.

И теперь этот голос, кажется, хотел говорить с ним.

Молчан встал, подошёл к печи. Устье было тёмным, угли давно прогорели. Но в глубине, в самой сердцевине, теплился **огонёк**. Не красный, не жёлтый — золотистый, тёплый, живой.

— Ты, — прошептал Молчан. — Ведагор. Ты хотел, чтобы я вернулся. Зачем?

Огонёк дрогнул. И Молчан услышал **голос**. Не в ушах — в голове, в сердце, в самых костях.

«Потому что ты — часть Рода. Потому что без тебя Семистрел не полон. Потому что я видел, кем ты мог бы стать, если бы тебя не отвергли».

— Я стал Тусклым, — горько сказал Молчан. — Я пытался уничтожить твой Род.

«Ты был пленником. Теперь — свободен. Но свобода — это только начало. Тебе предстоит вспомнить всё. Не только тьму. Свет. То, что было до Пустоты. То, что она украла у тебя».

— Я не хочу вспоминать, — прошептал Молчан. — Там слишком больно.

«Знаю. Но без этого ты не исцелишься. А ты нужен Роду. Не как Тусклый. Как Молчан. Как тот, кем ты должен был стать».

Огонёк погас. Сверчок смолк.

Молчан остался один в темноте, глядя в пустое устье печи. Он чувствовал, как внутри него борются два начала — старая, привычная пустота и что-то новое. Тёплое. Живое. Страшное.

Он не знал, сколько просидел так. Час? Два? За окном начало сереть. Первый петух прокричал где-то в деревне, ему ответил второй.

Молчан поднялся. Подошёл к двери, толкнул её и вышел на крыльцо.

Утро было морозным. Снег скрипел под ногами. Воздух пах дымом и близкой весной, хотя до неё было ещё далеко. Над лесом поднималось солнце — огромное, красное, в дымке.

У околицы, у Древа Рода, сидел **Волк**. Он смотрел на Молчана золотистыми глазами и ждал.

Молчан знал его. Знал, что он — страж. Знал, что он — Радим, муж Светланы, ушедший за Кромку. Знал, что он видит больше, чем показывает.

— Ты тоже хочешь, чтобы я вспоминал? — спросил Молчан.

Волк не ответил. Он поднялся, отряхнулся от снега и медленно пошёл к лесу. У кромки остановился, оглянулся.

Звал.

Молчан колебался. Потом шагнул с крыльца и пошёл за Волком — в лес, в снег, в неизвестность.

Он не знал, куда они идут. Не знал, что его ждёт. Но впервые за сотни лет он чувствовал: **нужно идти**.

В избе, у окна, стояла Бабушка Мирослава. Она смотрела, как Молчан уходит за Волком, и губы её шевелились — она шептала старый обережный заговор. Не от зла. От страха. Чтобы он вернулся.

Рядом с ней стояла Искра. Она тоже смотрела вслед Молчану, и в груди её теплилась та самая искра — её дар, её суть, её имя.

— Он вернётся? — спросила она.

— Вернётся, — ответила Бабушка. — Но другим. Тем, кем должен был стать.

— А если он снова станет Тусклым?

Бабушка помолчала. Потом положила руку на плечо Искре.

— Тогда мы снова его вернём. Мы — Род. Мы не бросаем своих. Даже если они сами себя бросили.

Искра кивнула. Она смотрела на лес, где исчезли Волк и Молчан, и думала о том, что их общая история только начинается.

Глава 1. Тропа под снегом

В которой Молчан идёт за Волком, находит то, чего не должно быть, и слышит голос, который молчал сотни лет

Лес встретил их тишиной.

Не той, живой, что была в избе — с дыханием, с потрескиванием, со сверчком. Другой. Глухой, ватной, какой бывает тишина только в глубоком снегу. Снег лежал повсюду — на еловых лапах, на пнях, на замёрзшем ручье. Он гасил звуки, и Молчану казалось, что он идёт по дну огромного белого моря.

Волк бежал впереди. Его серебристая шерсть сливалась со снегом, и только тёмные подушечки лап мелькали, оставляя цепочку следов. Молчан шёл за ним, не спрашивая. Он не знал, куда они направляются. Не знал, зачем. Но впервые за сотни лет он чувствовал: **нужно идти**.

Они шли долго. Солнце поднялось выше, но не грело — только слепило, отражаясь от снега. Молчан не мёрз. Он вообще редко чувствовал холод — Пустота выстудила его изнутри так, что никакой мороз не мог сравниться. Но сегодня что-то изменилось. Он чувствовал, как снег холодит босые ступни. Чувствовал, как ветер кусает щёки. Чувствовал.

Это было странно. И страшно.

Волк остановился.

Они вышли к **оврагу**. Глубокому, с крутыми склонами, заросшими ольхой и черёмухой. Сейчас ветки были голыми, и сквозь них просвечивало что-то тёмное. Не дерево. Не камень.

Молчан подошёл ближе. Волк сидел на краю оврага и смотрел вниз золотистыми глазами. В его взгляде не было приказа — только ожидание. Словно он говорил: *«Смотри сам. Это твоё. Не моё»*.

Молчан заглянул в овраг.

Там, на дне, под снегом и валежником, лежал **камень**. Огромный, плоский, расколотый надвое. Такие камни Молчан видел когда-то — очень давно, в другой жизни. На них приносили дары духам. На них читали заговоры. На них оставляли то, что хотели забыть.

Этот камень был **пуст**. Ни даров, ни следов, ни мха. Только снег. И трещина, разделяющая его ровно пополам.

Молчан спустился в овраг. Снег осыпался под ногами, ветки цеплялись за одежду. У самого дна он поскользнулся и схватился за ствол старой ольхи. Кора была холодной и мокрой, но под пальцами Молчан почувствовал **выемки**. Не природные — рукотворные.

Он отёрнул руку, всмотрелся. На стволе были вырезаны **знаки**. Древние, едва различимые, заплывшие древесным соком и временем. Но Молчан узнал их. Это были **охранные руны**. Такие же, как те, что Ягиня рисовала на пороге своей избы. Такие же, как те, что вышила Яромила на рушниках.

Только эти были **перечёркнуты**. Кто-то нарочно изуродовал их, провёл глубокие борозды поперёк, ломая защиту.

Молчан провёл пальцами по израненным знакам. И вдруг почувствовал **запах**. Слабый, почти выветрившийся, но узнаваемый. Так пахла Пустота. Так пах **он сам**, когда был Тусклым. — Я здесь был, — прошептал Молчан. — Я это сделал.

Волк наверху не шелохнулся. Только уши его дрогнули, ловя звук.

Молчан опустился на колени перед расколотым камнем. Снег на нём был нетронутым, но под снегом, в трещине, что-то **светилось**. Слабо, едва заметно, как гнилушка в лесу. Он разгрёб снег.

В трещине лежала **прядь волос**.

Тёмных, почти чёрных, перевязанных выцветшей красной лентой. Такие ленты носили девушки в его время — вплетали в косы, чтобы отвести сглаз. Молчан смотрел на прядь, и

что-то внутри него **дрогнуло**. Не воспоминание — его тень. Словно он знал эти волосы. Знал эту ленту. Знал, кому они принадлежали.

Но не мог вспомнить.

Он взял прядь в руки. Волосы были холодными, но не мёртвыми. От них исходило слабое, почти угасшее **тепло**. Так бывает, когда вещь долго хранит память о хозяине, но сам хозяин уже ушёл.

И вдруг Молчан **услышал**.

Не ушами. Глубже. В той части души, которую он считал мёртвой.

«Ты обещал вернуться. Ты обещал, что Пустота не заберёт тебя. Ты солгал».

Голос был женским. Молодым. В нём не было укора — только бесконечная, выцветшая печаль. Так говорят те, кто ждал слишком долго и уже перестал надеяться.

Молчан выронил прядь. Руки его дрожали.

— Кто ты? — прошептал он. — Я тебя знал?

Тишина. Снег. Ветер в голых ветвях.

Волк наверху поднялся и тихо, почти беззвучно, **завыл**. Не страшно — протяжно, печально, как плач по ушедшим.

И Молчан понял: это место — **его**. Его прошлое. То, что Пустота украла и спрятала так глубоко, что он сам не мог найти. Но Волк привёл его сюда. Зачем? Чтобы он вспомнил? Чтобы он раскаялся? Чтобы он...

Он снова посмотрел на прядь. На перечёркнутые руны. На расколотый камень.

Камень для даров духам. Но этот камень был расколот не временем и не морозом. Его раскололи **нарочно**. Чтобы разорвать связь. Чтобы забыть.

— Я хотел забыть, — прошептал Молчан. — Я сам это сделал. Не Пустота. Я.

Волк перестал выть. Он стоял на краю оврага и смотрел на Молчана, и в его золотистых глазах читалось что-то, похожее на **сострадание**.

Молчан поднялся. Спрятал прядь за пазуху — ближе к сердцу, если оно у него было. Потом выбрался из оврага и встал рядом с Волком.

— Веди дальше, — сказал он. — Я должен знать всё.

Волк развернулся и побежал дальше, вглубь леса. Молчан пошёл за ним. Снег скрипел под ногами. Солнце поднималось выше, но не грело.

А где-то далеко, в Ладово, в печи Бабушки Мирославы снова запел сверчок. И на этот раз его песня была тревожной.

В тот же час, в избе, Тверд сидел у стола и смотрел на **нож правды**.

Он положил его перед собой и не мог отвести глаз. Клинок мерцал в свете лучины, и узор на нём, похожий на древесные корни, казалось, **двигался**. Медленно, едва заметно, как растёт настоящее дерево.

— Что ты такое? — спросил Тверд вполголоса.

Нож молчал. Но Тверд чувствовал: он ждёт. Ждёт чего-то. Или кого-то.

Вошла Голуба, неся охапку дров. Увидела мужа, замершего над ножом, и остановилась.

— Опять смотришь? Третий день уже.

— Он не простой, — ответил Тверд. — Дед Ведагор просил его выковать. Сказал: «Для правды». А что за правда — не объяснил.

— Может, и не надо объяснять, — тихо сказала Голуба. — Может, он сам покажет, когда время придёт.

Тверд хмыкнул.

— Время. Всё время да время. А когда оно придёт?

Голуба не ответила. Она сложила дрова у печи и вышла. А Тверд остался сидеть, глядя на нож, который ждал своего часа.

Некрас в это утро проснулся с криком.

Ему снился **сон**. Яркий, как явь, и страшный, как первая встреча с Тусклым. Он видел бескрайнюю степь, поросшую ковылём. Над степью стояло огромное, мутное солнце. И по этой степи шёл человек. Высокий, темноволосый, в чужой одежде. Он шёл и рассыпался. Не умирал — именно рассыпался, как старая береста, как пепел на ветру.

Человек обернулся, и Некрас увидел его лицо.

Это было **его лицо**. Только старше. И в глазах — не жизнь, а пустота. Такая же, как была у Молчана до исцеления.

— Отец, — прошептал Некрас и проснулся.

Любава уже сидела рядом, гладила его по голове.

— Что ты видел? — спросила она тревожно.

— Его, — выдохнул Некрас. — Азамата. Он... он исчезает. Как Молчан когда-то. Пустота забирает его.

Любава побледнела.

— Ты уверен?

— Я видел, — Некрас сжал её руку. — Мама, я должен найти его. Пока не поздно.

Любава долго молчала. Потом кивнула.

— Поговорим с Бабушкой. Если она благословит — пойдём. Вместе.

Некрас уткнулся лицом в её плечо. Ему было страшно. Но ещё страшнее было остаться и ничего не делать.

А в лесу, далеко от Ладово, Волк привёл Молчана к **озеру**.

Оно было круглым, как чаша, и замёрзшим. Лёд был чёрным и гладким, как зеркало. На берегу стояла старая, покосившаяся кумирня¹ — маленькая, почти игрушечная, с провалившейся крышей. Такие ставили в древние времена у воды, чтобы задабривать духов.

Волк сел у кумирни и больше не двигался. Конец пути.

Молчан подошёл к озеру. Встал на край льда. Заглянул в чёрную глубину.

И увидел **лицо**.

Не своё. Женское. Молодое. С тёмными волосами, перевязанными красной лентой. Девушка смотрела на него из-под льда, и глаза её были живыми. Она **ждала**.

— Ты, — прошептал Молчан. — Это твои волосы. Твоя лента. Кто ты?

Девушка подо льдом улыбнулась — грустно, как улыбаются те, кто уже не надеется на ответ.

И Молчан вспомнил.

Вспомнил не всё — только имя. Одно-единственное слово, которое Пустота не смогла стереть до конца.

— **Милага**, — выдохнул он.

Лёд под его ногами дрогнул. По чёрной глади побежали трещины.

И из глубины озера, из-под льда, донёсся **голос** — тот самый, что он слышал у камня.

«Ты вспомнил. Наконец-то. Я ждала так долго».

¹ У славян — это место поклонения языческим богам, языческий храм. Также так называли небольшое семейное святилище, место для обращения к родным богам.

Глава 2. Та, что подо льдом

В которой Молчан узнаёт, кем была Милаваа, лёд говорит голосами мёртвых, а Некрас видит то, чего видеть не должен

Лёд трещал под ногами, расходясь паутиной трещин.

Молчан не двигался. Он стоял на самом краю, глядя в чёрную воду, и не мог отвести взгляд от лица подо льдом. Девушка смотрела на него снизу вверх, и в её глазах — тёмных, почти таких же чёрных, как вода, — плескалась **вечность**. Не та, что в звёздах или в сказаниях. Другая. Та, что бывает только у тех, кто ждал слишком долго.

— Милава, — повторил Молчан. Имя всё ещё было чужим, неудобным, как старая одежда с чужого плеча. Но оно было **его**. Он знал это. Знал так же твёрдо, как то, что когда-то был человеком.

Девушка подо льдом шевельнулась. Не как утопленница — как живая. Её рука поднялась и коснулась льда изнутри. Пальцы были бледными, почти прозрачными, но на безымянном поблёскивало **кольцо**. Простое, медное, с крошечным зелёным камешком.

Молчан опустил на колени. Лёд под ним был холодным, но он не чувствовал холода. Он прижал ладонь к тому месту, где с другой стороны была её рука. Их пальцы разделяла только тонкая корка льда.

— Я не помню, — прошептал он. — Я не помню, кем ты была для меня. Но я знаю, что был виноват перед тобой. Что я сделал?

Губы Милавы шевельнулись. Сквозь лёд не доносилось ни звука, но Молчан **услышал** её. Не ушами — той частью души, которую он считал мёртвой.

«Ты не сделал. Ты не успел. Пустота пришла раньше».

— Что Пустота? — Молчан подался вперёд. — Что она сделала с тобой?

Милава отвела взгляд. Её лицо исказилось — не болью, а **памятью**. И лёд под ладонью Молчана вдруг **потеплел**. Не от солнца. От того, что происходило в глубине.

Он увидел.

Не глазами — всем собой. Видение нахлынуло, как волна, как удушливая вода, и Молчан перестал быть собой. Он стал **юношей** — тем, кем был сотни лет назад.

Они стоят на этом самом берегу. Только нет ни льда, ни снега. Лето. Озеро сияет под солнцем, и в воде отражаются облака. Рядом с ним — Весняна. Она смеётся, запрокинув голову, и тёмные волосы рассыпаются по плечам. В её косе — красная лента. Та самая.

— Молчан, ну хватит! — она толкает его в плечо. — Вечно ты как туча. Улыбнись!

Он пытается. Уголки губ дрожат, но улыбка выходит кривой, неуверенной. Он не умеет. Никогда не умел.

— Я не туча, — говорит он. — Я просто... другой.

— Знаю, — Милаваа становится серьёзной. — Потому и люблю. Ты видишь то, чего другие не видят. Это дар.

— Это проклятие, — отвечает он. — Я вижу пустоту в людях. В каждом. Даже в тебе.

Милаваа молчит. Потом берёт его за руку.

— И что ты видишь во мне?

Он долго смотрит на неё. В её глазах, в её душе, в её сердце.

— Свет, — говорит он наконец. — Много света. И крошечную тень. Совсем маленькую. Она спит.

— Вот видишь, — улыбается Весняна. — Даже во мне есть тень. Но это не делает меня плохой. Это делает меня живой. Ты тоже живой, Молчан. Просто забыл об этом.

Он хочет ответить, но не успевает. С озера поднимается **туман**. Бесцветный, холодный, непохожий на обычный. Молчан знает этот туман. Он приходит к нему по ночам. Шепчет. Зовёт. Обещает покой.

— Опять ты, — шепчет Молчан. — Уходи.

Но туман не уходит. Он сгущается, обретает форму. Милава вскрикивает, хватается Молчана за руку.

— Что это? Молчан, что это?!

— Пустота, — отвечает он. — Она пришла за мной.

— Не отдам! — Весняна заслоняет его собой. — Уходи! Он мой!

Туман смеётся — беззвучно, страшно. И бросается на неё.

Молчан кричит. Пытается оттолкнуть Милаву, закрыть собой. Но поздно. Туман окутывает её, проникает в глаза, в рот, в душу. Она падает на колени, хватается за горло, задыхается.

— Уходи, — шепчет она Молчану. — Беги. Она не должна... не должна забрать нас обоих...

— Я не брошу тебя!

— Бросишь, — её глаза тускнеют. — Ты должен. Чтобы спасти. Беги. Я задержу её. Сколько смогу. Она поднимается, шатаясь. Поворачивается к туману. Раскидывает руки, как крылья. И начинает **петь**. Не словами — светом. Тем самым, что Молчан видел в ней когда-то. Свет льётся из неё, как вода из родника, и туман отступает, шипит, корчится.

Молчан бежит. Он не хочет, но ноги несут его прочь — от озера, от Весняны, от Пустоты. Он бежит и слышит за спиной её песню. Она становится тише, слабее.

А потом — тишина.

Видение погасло. Молчан снова стоял на коленях у замёрзшего озера, прижав ладонь ко льду. По его щекам текли слёзы — горячие, живые, первые за сотни лет.

— Ты спасла меня, — прошептал он. — Ты отдала себя, чтобы я убежал. А я... я забыл. Пустота украла память, и я забыл.

Милава подо льдом улыбнулась. В её глазах больше не было укора. Только покой.

«Ты вернулся. Это главное. Теперь освободи меня».

— Как? — спросил Молчан. — Что мне сделать?

«Вспомнить всё. Не только меня. Весь путь. От начала до конца. Только тогда Пустота отпустит нас обоих».

— Я не знаю, как вспомнить, — признался Молчан. — Я пытаюсь, но там — темнота. Она прячет прошлое.

Милава подняла руку и коснулась льда прямо напротив его сердца.

«Иди к Ягине. Она знает. Она хранит то, что ты потерял. А теперь — уходи. Я ждала столько лет. Подожду ещё немного».

Лёд под ладонью Молчана начал **теплеть**. Не от видения — по-настоящему. Трещины, разбежавшиеся по глади, стали затягиваться, словно озеро залечивало раны. Лицо Милавы побледнело, отдалилось, растворилось в чёрной глубине.

— Я вернусь, — пообещал Молчан. — Клянусь. Я тебя не брошу. Больше никогда.

Он поднялся. Ноги дрожали, но он стоял. Волк, всё это время неподвижно сидевший у кумирни, подошёл и ткнулся носом в его ладонь. Словно говорил: «Ты справился. Теперь дальше».

Молчан в последний раз посмотрел на озеро. Лёд был снова гладким, чёрным, без единой трещины. Как зеркало. Как врата. Как обещание.

Он развернулся и пошёл за Волком. Обратно. К Ягине.

В Ладово в это время творилось неладное.

Некрас после своего сна не находил себе места. Он ходил по избе, садился, вставал, снова садился. Любава смотрела на сына с тревогой, но не мешала — знала, что ему нужно время.

Ближе к полудню он вдруг замер посреди избы и уставился в угол. В тот самый угол, где стоял Сундук Древа.

— Мама, — позвал он странным, чужим голосом. — Там кто-то есть.

Любава обернулась. В углу было пусто. Только сундук, только тени от лучины.

— Кто, сынок?

— Не знаю, — Некрас шагнул к углу. — Но я вижу. Нить. Она чёрная. Как у Молчана. Но другая. Она тянется... — он замер, прислушиваясь к чему-то, чего никто не слышал. — Она тянется в сундук.

Бабушка Мирослава, сидевшая у печи, медленно поднялась.

— В сундук?

— Да, — Некрас обернулся к ней. — Бабушка, открой его. Пожалуйста. Там что-то есть. Что-то, чего мы не видели раньше.

Бабушка подошла к Сундуку Древа. Положила ладонь на крышку. Птичья лапа на замке дрогнула, но не разжалась.

— Он не хочет открываться, — сказала Бабушка. — Что-то держит.

— Это она, — прошептал Некрас. — Пустота. Не Тусклый. Другая. Она в сундуке. И она **зовёт**. Я слышу.

В избе стало тихо. Так тихо, что слышно было, как муха бьётся о слюдяное оконце.

И вдруг из Сундука донёсся **стук**.

Один. Второй. Третий.

Медленный, размеренный, как сердцебиение.

— Там кто-то есть, — выдохнула Любава. — Живой.

Бабушка Мирослава отступила от сундука. Лицо её было бледным, но спокойным.

— Это не живой, — сказала она. — Это **память**. Чья-то память, запертая в Сундуке.

И она хочет выйти.

— Чья? — спросил Некрас.

Бабушка посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Твоего отца, — сказала она. — Азамата. Он что-то оставил здесь. Когда-то давно. До того, как ушёл в степи.

Стук повторился. На этот раз громче. Настойчивее.

— Мы должны открыть, — сказал Некрас. — Я должен.

— Не сейчас, — отрезала Бабушка. — Сначала нужно понять, что это. И как его открыть, не выпустив то, что заперто вместе с памятью.

Она отошла от сундука и взяла с полки пучок сушёной полыни.

— Сегодня ночью я посмотрю. Одна. А ты, Некрас, не подходи к сундуку. Что бы ты ни слышал. Обещай.

Некрас хотел возразить, но взгляд Бабушки был таким, что он только кивнул.

Стук из сундука повторился — и стих.

Ночью, когда все уснули, Некрас лежал с открытыми глазами и смотрел в темноту. Он слышал, как Бабушка встала, зажгла лучину и подошла к сундуку. Слышал, как она шептала старые слова — не молитвы, а что-то более древнее.

А потом он услышал **ответ**.

Не из сундука. Изнутри себя. Голос — низкий, с хрипотцой, говорящий на чужом языке, который Некрас почему-то понимал.

«Сын мой. Я жду. Приди».

Некрас сел на лежанке. Сердце колотилось так, что, казалось, слышно во всей избе. Он посмотрел в угол, где стоял сундук. Там, в темноте, что-то слабо **светилось**. Не огнём — холодным, серебристым светом, как от далёкой звезды.

— Я приду, — прошептал Некрас. — Отец. Я приду.

Свет погас. Бабушка закончила шёпот и вернулась на лежанку. В избе снова стало тихо. Но Некрас знал: это только начало.

Глава 3. Первый ключ

В которой Молчан приходит к Ягине, узнаёт о дверях и ключах, получает первый ключ и открывает первую дверь.

До избушки Ягини они добирались почти до заката.

Волк бежал впереди, прокладывая путь через глубокий снег. Молчан шёл за ним, и каждый шаг давался ему странно — не тяжело, а **непривычно**. Он слишком давно не ходил как человек. Слишком давно не чувствовал, как снег набивается в сапоги, как ветер кусает щёки, как морозный воздух обжигает горло при вдохе.

Всё это было новым. И всё это было **живым**.

Лес вокруг стоял безмолвный — тот самый Молчаливый бор, о котором рассказывали Яромир и Забава, вернувшись из Ладово после ритуала. Ели в снежных шапках, тишина такая густая, что её можно резать ножом, и только редкие следы на снегу говорили о том, что здесь есть жизнь. Вот цепочка заячьих следов. Вот отпечатки лисьих лап. Вот, глубоко в снегу, лунка — здесь ночевал глухарь.

Молчан смотрел на всё это и впервые за долгое время не чувствовал себя чужим. Лес принимал его. Не как своего — как **возвращенца**. Как того, кто ушёл и вернулся. Деревья не шарахались от него, звери не разбегались. Даже снег скрипел под ногами как-то особенно — не враждебно, а скорее задумчиво.

— Ты чувствуешь это? — спросил Молчан Волка.

Волк остановился, обернулся. Золотистые глаза его блеснули в морозном воздухе.

— Лес. Он... не боится меня.

Волк чихнул — как показалось Молчану, одобрительно — и побежал дальше.

К полудню они вышли к Калинову ручью.

Зимой ручей не замёрз — только сузился, стал тоньше, тише. Вода текла подо льдом, и где-то там, в глубине, слышался едва уловимый **звон**. Будто кто-то перебирал серебряные колокольчики. Молчан знал этот звук. Когда-то очень давно — так давно, что память об этом была не воспоминанием, а тенью тени — он слышал его. Здесь, у этого ручья, он впервые услышал голос Пустоты.

Сейчас ручей молчал. Только звон — чистый, прозрачный, живой.

Избушка Ягини стояла на том же месте, что и века назад. Приземистая, крытая камышом, с трубой, из которой вился дымок. На коньке сидела сорока — чёрно-белая, вертлявая. Увидев Волка, она стрекотнула что-то и улетела в лес. Наверное, докладывать хозяйке, что гости пришли.

Волк сел у крыльца и больше не двинулся.

— Дальше сам, — сказал Молчан.

Волк моргнул. Молчан поднялся на крыльцо, и дверь отворилась сама собой — как всегда.

Внутри было тепло.

Печь, сложенная из дикого камня, дышала жаром. На стеллажах вдоль стен громоздились горшки, туески, пучки трав, связки перьев, глиняные фигурки, старые книги в кожаных переплётах. Пахло мятой и полынью, медовым воском и берёзовым дёгтем, свежим хлебом и ещё сотней запахов, которые Молчан не мог распознать.

Ягиня сидела в тяжёлом дубовом кресле у печи и прядла.

Прялка была небольшая, домашняя, с колёсиком из тёмного дерева — не такая, как описывали Яромир и Забава, когда рассказывали о своей встрече с Пряхой в Молчаливом бору. Та прялка была огромной, с серебряной нитью, и стояла посреди леса. Эта — скромная, уютная,

потрескивающая в такт огню в печи. Веретено в руках Ягини вращалось медленно, и нить, которую она пряла, была **серой**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.